

Москва

2
2018

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

2
2018

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Татьяна СОКОЛЬНИКОВА. Когда-нибудь я стану белым снегом... Стихи	3
Сергей СМИРНОВ. Юность Тараса. Роман. Окончание	9
Михаил ЛОКОЩЕНКО. К нам судьба порой жестока. Стихи	64
Андрей ПОДБЕРЕЖСКИЙ. Проклятие родной матери. Повесть	68
Георгий КАЮРОВ. На берегах Днестра. Рассказы	102
Александр ВИН. Чужая жизнь. Рассказы	112
Борис КУРКИН. Прогулка по Венскому Лесу. Путевые заметки	126

ПУБЛИЦИСТИКА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Заврались	165
Олег РОМАНОВ. Линии русской истории	172
Мария ЗАЛЕССКАЯ. Постмодернизм как орудие всемирного разрушения	181

КУЛЬТУРА

Геннадий КРАСНИКОВ. Сизифов мост над рекой Времени	191
Галина ЩЕРБОВА. То, что наводит на размышления	203
Сергей ШУЛАКОВ. Поколения в прозе	210

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. Два века истории московского Манежа 227

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Николай КАВЕРИН. Миссионерский кураж
и миссионерствующее монашество 235
Духовные наставления святителя Феофана Затворника 239

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 12.01.18. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз. Заказ 179-2018

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: **73253** – каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** – «Пресса России», **45211** – каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 2, 2018

ТАТЬЯНА СОКОЛЬНИКОВА

КОГДА-НИБУДЬ Я СТАНУ БЕЛЫМ СНЕГОМ...

* * *

Мои губы помнят твоё имя!
Улыбнусь и позову рассвет.
Я тебя не спутаю с другими,
Ведь других таких на свете нет.
Хочешь, полетаем? В небе тихо.
Вздрагивают спящие березы.
Туча, как огромная слониха,
Хоботом разбрасывает звезды.
Звездные мечтания лучатся.
Воздух вязок, ароматен, свеж.
Хочешь, нарисую тебе счастье
Искренностью радужных надежд?
Ну? Вдыхай, смакуй мои туманы.
Сонно тянет руки в небо лес.
Я свои цветы вплету в поляны
Наших сладко-призрачных небес...

* * *

Весной за окошком на тополе липкие почки,
Сейчас зимний вечер лежит у него на плечах.
Разорван рукав твоей брошенной в кресло сорочки.
Нет пуговицы. Закатилась, наверно, под шкаф.

Татьяна Владимировна Сокольникова родилась в Чите. Окончила Забайкальский государственный университет.
Член Союза журналистов России.
Живет в Подмосковьё.

Летите, снежинки, летите куда захотите.
Иголку из сердца-подушечки молча беру.
Дожди собираю, плету из них длинные нити.
Должна я закончить работу однажды к утру.

С небес до порога прочерчены снегом дороги,
И тихой улыбкой очерчены губы твои...
За тучами звезды дрожат, все они недотроги.
И светится месяц, как ключик от нашей любви.

Какой ты неловкий. Ты так безответственно нежен.
Блаженное сердце туманит горячую грудь.
Весной, шевельнувшись, распустится первый подснежник
На брошенной в кресле сорочке, помятой чуть-чуть...

Память

Когда-нибудь я стану белым снегом...
И закружусь над этим белым светом...
И полечу навстречу белым ветром...
И за тобою лягу белым следом...
И, долгий сумрак разведя руками,
Я опущусь на крышу, в наше детство.
Весь мир задышит белыми духами,
И я осыплюсь белыми стихами...
...У серого забора по соседству
Замрет сугроб, как белая улитка,
И будет ждать, чтоб хлопнула калитка
И ты вбежал с ватагой пацанов...
Виски белеют, и белеет сердце.
Уже не слышен звук твоих шагов.
Спит та зима, засыпана другими,
И старит время младшую сестру.
Лишь память так же стынет на ветру
И вздрагивает, вспомнив твое имя.

Когда-нибудь я стану белым снегом...
И за тобою лягу белым следом...
И растворится звук моих шагов...
И ты меня накроешь белым пледом...
Весь мир задышит белыми духами,
И я осыплюсь белыми стихами
В заоблачную даль твоих садов...

* * *

Весна разбужена до срока,
Уткнувшись в талые снега,
Как черно-белая сорока,
Клюет на реках берега.

Утрами холодно и пусто.
Лишь небо, уронив слезу,
Полям распахивая чувства,
Зовет весеннюю грозу.

Дорога падает с разбега
В ложбинки полусонных дней,
И, опускаясь тихо с неба,
Дождинки катятся по ней.

И в каждом шаге, в каждой точке
Предвосхищение тепла.
Апрель развешивает почки,
А значит, и зима прошла.

* * *

Осень ладошками трогает лес.
Жук второпях под корою исчез.
Сохнут рябины, краснея губами.
Яблоки в землю нацелились лбами,
Вздрыгнут на ветках и вниз упадут,
Словно прощальный осенний салют.
Реки застыли. Под корочкой льда
Спрятана лета живая вода.
Сонные рыбы таращат глаза:
Все, не танцует для них стрекоза!
Ветер, цепляясь за горы вдали,
Тянет по небу свои корабли...

Может быть, там, под крылом у ненастья,
Спрятано тихое женское счастье?

* * *

Я закрываю тихие глаза
И чувствую, как дождь ласкает веки.
Осенние плаксивы небеса,
И кажется, что с неба льются реки.
Остановите жизнь на полчаса.

Остановите жизнь на полчаса.
Река вдоль поля словно полоса...
И грудь еще дышать не перестала.
Я счастлива, лишь выгляжу усталой.
Остановите жизнь на полчаса.

* * *

За окошком — вербушка.
На столе — оладушки.

У колодца — дедушка.
 С самоваром — бабушка.
 Варежки да валенки,
 Щеки отморожены...
 Доски на завалинке
 Аккуратно сложены...
 Белыми туманами
 Утро умывается.
 И цветами пряными
 Ветер задыхается.
 Облака заплатками
 Плавают по речке.
 Солнечные зайчики
 Жарятся на печке.
 Теплота безбрежная
 В душу разливается.
 Это счастье нежное
 Детством называется.

Художник

В доме тихо. Не узнает никто,
 Как послушно я снимаю пальто...
 Как прерывисто дыханье мое...
 Как мешает поцелуям белье...
 Словно холст, во тьме белеет постель.
 Как неистова сегодня метель...
 Как метель твоя сейчас горяча...
 Губы мягкие скользят вдоль плеча...
 Тронув лоб и невесомость ресниц,
 Ты листаешь бесконечность страниц...
 Спелость вишен и пьяна, и сладка...
 Лебединая воздушна рука...
 И глаза как две дрожащих свечи,
 То туманны, то близки их лучи.
 Вся душа моя светла от огня,
 Потому что ты рисуешь меня...

* * *

Так искренне лежит в траве роса!
 Луч солнца обнаружил чью-то норку
 И растревожил птичьи голоса,
 Сбегая на рассвете по пригорку.

Так искренне лежит в руке рука!
 И нежностью трепещет паутинка,
 Спускаясь в дачном доме с потолка.
 И радостью расцвечена картинка,
 Которую ты прикрепил к стене.

И печка холодеет так уютно,
И я уже совсем не бесприютна,
Когда и ты мечтаешь обо мне...

* * *

Трогает ладонями ветер
Волосы осенней погоды.
Ты ушел в себя на рассвете...
Я иду к тебе через годы...

Собираю звезды губами...
Искры обжигают ресницы.
Я хочу поджечь свою память,
Чтоб однажды снова родиться.

Километры прожитых взглядов
Никогда не станут дорогой.
Закружат слова листопадом,
А зимой умрут за порогом...

Тополь крестит веткой окошко.
Небо ночью глубже и шире.
Месяц, изогнувшись как кошка,
Ищет наши тени в квартире...

* * *

Мартовское сердце талое,
Капли на губах...
Заблудилось солнце алое
В четырех столбах.
Покаталось да спряталось —
До утра искать.
Твои руки пахнут мятой,
Не дают мне спать...
Ночью чудеса случаются.
Капает смола...
Ветка тонкая качается —
Почка расцвела!

* * *

День клонился к вечеру
Белой головой,
Укрывая плечи мне
Сказкой снеговой.
И когда касалась
Я его щеки,
На меня кидались
Стайкой мотыльки

И в душе рождались
 Белые стихи.
 Белыми казались
 Черные грехи.
 Громкими казались
 Тихие слова.
 И была под снегом
 Горяча трава...
 И любовь светилась,
 Горячей огня,
 И душа стремилась
 В небо — из меня...

* * *

Как рассказать о тишине словами?
 Я осторожно лягу между снами,
 Чтобы исчезнуть тихо и ожить,
 И медленно... да, медленно поплыть...
 Пусть время позабудет обо мне.
 Я тишину услышу в тишине.
 Не запылится лунная дорога...
 Знакомый скрип родимого порога
 Мне музыкой из детства зазвучит.
 Щенок в прихожей сонно заворчит.
 И бабушка оладушки нажарит,
 К груди прижмет и сказкою одарит,
 И завтракать усадит мою тень,
 И буду с нею рядом целый день.
 Как рассказать о тишине словами?
 Ей ландыши кивают головами,
 И бабочки ей пудрят нос пылью.
 В ней кот вальяжно нежится с ленцой,
 И в солнечных лучах блестит посуда,
 И девочка наивно верит в чудо,
 И почки набухают по весне,
 И смолка золотится на сосне.
 Но... если вдруг приходит в мир война,
 Бывает гробовую тишина.

* * *

Освобождая душу из оков,
 Целуя мир дрожащими губами,
 Ползет трава из глубины веков
 И смотрит в небо тихими глазами.
 Так лей же, дождь! Еще один глоток...
 Даруя жизни смысл и вдохновенье,
 Вдруг расцветает солнечный цветок!
 Не пропустите чудное мгновенье.

СЕРГЕЙ СМIRHOV

ЮНОСТЬ ТАРАСА

СКАЗ ПРО ТО, КАК МОЛОДОЙ
КОЗАК С ЗАПОРОЖСКИМ
ВОЙСКОМ НА МОСКВУ
ХОДИЛ, КАК РУССКУЮ
СМУТУ ПОВИДАЛ, КАК
ЗЛОЙ МАРИНКЕ МНИШЕК
ПРИГЛЯНУЛСЯ И ЧТО
ИЗ ВСЕГО ЭТОГО ВЫШЛО

РОМАН

Глава седьмая **Без дороги**

Мало еще жил на свете Тарас, и ни к чему он еще в жизни не прилепился такому, чего ради жизнь стоило чересчур жалеть... а боли он не страшился никогда.

Да и чего жизнь-то беречь, коли все равно не видать ему своею суженой так полюбившуюся Елену! Разве отдаст ее старший брат ему, низовому, простому, без потайной скарбницы со златом, козаку? Кто он, Тараска? Не принц же датский! А вон матерый немецкий кнехт Ганс ни себя, ни роты за нее не пожалел. Чем же хуже немецкой роты низовой козак?

Дикая охота мчалась прямо на него, Тараску, не сбавляя маха! Видел круто сбитый, рослый лях-предводитель — с усищами-ветлами, с кровавым крылом широкого ворота, в невиданных желтых сапогах, — что уж не настичь ему лучшую добычу. Уходила от него и его венгерского жеребца стрелой к стенам Троицы мелкая, да прыткая Серка со своею невинною ношею. А теперь он игру себе нашел: да вот и поиграть с отважным на вид козачком, застившим дорогу. Он, черножупанный дьявол, и сабли не выкидывал — только скалился во всю свою ляхскую пасть под сверкавшими очами и алым пером на шапке. Любопытно ему стало — соскочит козачок с дороги или даст себя смести. Ни в то ни в другое не верилось хищному ляху — вот и решил посмотреть, как оно случится.

Тарас тем временем успел многое: осмотреться живо да убрать под подходящий придорожный куст и лук свой, и саблю. Оставил себе только отцов черкесский нож и занялся самопалом. Проверил, не выпала ли пуля с пыжом, остался ли порох на полке после скача. Самопал был готов к делу.

Окончание. Начало — № 1.

Вздохнул Тарас поглубже, придержал выдох и поднял самопал, целя ляхскому предводителю в грудь. А тот только веселее оскалился и глазами засверкал.

Дождался Тарас нужной ширины цели... Пшикнуло сначала — и бухнул самопал, выплюнув рубленую пулю, а с ней облачко дыма.

И увидел Тарас сквозь облачко, как в тот же миг, сам звук выстрела упредив, нырнул лях-предводитель влево, прямо под шею своего коня.

Не нашла пуля его груди, полетела дальше и выше. Видел ее полет Тараска. Следом за ляхом скакал иной рослый всадник, видом литвин. Пуля, еще немного поднявшись в полете, ударила его точно в кадык. Разлетелись хрящи. Мотнул литвин головой вперед, и тут же назад опрокинулась его голова, выхаркнув вверх петушиным гребнем крупные алые брызги... а уж и весь литвин опрокинулся назад.

Первый раз убил Тарас в своей жизни живого человека. В иной час, может, и вывернуло б его с непривычки, но тут не до лишних чувств было.

Вспомнил Тарас последнюю молитву московского купца Никиты Оковала: «Боже, милостив буди мне, грешному». Бросил он самопал да с тою молитвою и выхваченным черкесским ножом кинулся умелым кубарем прямо под ноги коням.

Себя не запомнил Тарас в те мгновения — осталась в его памяти лишь крупная рябь конских ног, крепкие их тычки. Большим ножом он успевал отводить вскользь сабельные отмашки, но и сами всадники не очень-то саблями понизу стегали, боясь в толчее товарищу или коню его кусок ноги смахнуть.

Сам-то Тарас не то чтобы еще убить кого хотел, катаясь по земле меж коней и взмахивая ножом, — напротив, чем больше толчея всадников, тем легче да дольше самому живым было остаться. Только такая игра долго продлиться не могла.

Чудилось Тарасу, что стали кликать его по имени, да не откликался, решив, что черти блазнят на его погибель.

А и вправду уж кликали: среди самых лихих всадников той дьявольской лавы нашлись козаки из куреня, что ушел на Москву раньше. Они запомнили Тараса и его причуды на Сечи.

Вдруг как громом с неба грянул хриплый глас:

— Пьершен! Кольцо!

Вмиг раздались всадники, вмиг взяли Тараса в карусель — и он оказался в центре плотного конного круга.

Всадники держали сабли так, чтобы отбить боковой наскок пешего, но убивать Тараса тоже не собирались.

В очах Тараса плыло — не разумел он уж, движутся ли всадники перед ним по кругу или его самого ведет.

— Ей, Тараска! Або не визнаешь?

Тарас повел головой, не понимая, кто спрашивает: в ушах его гудело, да и все тело теперь гудело. Увидал он наконец вроде как знакомую голову:

— Ти, чи що, Богдан? — спросил.

— Визнав! — даже с облегчением вздохнул знакомый козак. — Ти чого тут чудішь?

— А ви що, чи не чуділі? — как всегда, просто удивился навстречу Тарас.

— Ось, пане полковнику, про кого ми тобі розповідали... — обратился козак Богдан в сторону и выше. — А тут його і чорти принесли.

— Ходз! Глову оберни! — услышал Тарас хриплый, но гулкий голос и повернулся на него.

Теперь перед Тарасом и над ним высился в подернутое первой осенней дымкой небо тот грозный разусатый лях с кровавым воротом на вороном жупане да в цыплячье-желтых сапогах. Уж потом Тарас узнал, что рассказывали козаки своему бешеному предводителю про лихих сечевиков, которых бы в самый раз было принять в дикую хоругвь, вспомнили и его, необычайно шустрого білявчика, — лучшего разведчика да вестового не найти. А вот и он — легок на помине!

— Пане полковнику, сам тепер бачиш, який він у справі, — осторожно добавил козак Богдан.

Вроде как оправдание нашлось заминке: не то что голыми руками, а и ежовыми рукавицами такого белявчика не ухватить.

Полковник дикой хоругви то ли смеялся так чертовски, то ли от азарту зубами скрежетал, меча молнии взором.

— Видзе, це шибки. А если тераз и от нагайки моей йдет, беру себе. Розступсь! — так и вещал, мешая слова наречий.

Тотчас расступились всадники на стороне кольца, противной от командира. Дикий полковник вынул нагайку, кою держал за голенищем, по-козацки, и проговорил на более чистом козацком же наречии:

— Біжи тепер до рахунку десять. Вважати я буду. А потім озирайся.

Тарас дух перевел. Еще пожить дали. Повернулся. Вгляделся в конный просвет: до лесу далеко, все равно не добежать ни в какую мочь — только вспотеешь перед худшей, чем от сабли, смертью. Одним порадовал дикий полковник: нож не отнимает.

— Навіщо ногам моїм да коня твого трудитися, пане полковнику? — добродушно спросил Тарас: вроде и не наглел он, а получалось куда как нагло! — І тут можна.

— Біжи, бруд! — гаркнул дикий полковник и взмахнул нагайкой. — А тут — на кол тебе!

Уж никак не опрометью выскочил из конного кольца-карусели Тарас, но и вполсилы бежал он прытко, да с такими легкими скачками в стороны, что пусти с ним рядом зайца — и тот с ног сбился б!

Поначалу доносился до Тараса одобрительный гул козачьих голосов. Радовал козаков Тарасов умелый бег по полосе поля, кою успели сжать, не отдав под копыта тех, кому жизнь не впрок. А потом вдруг донесся, ударил в лопатки такой рев и такой топот, будто в погоню за добычей рванулся баснословный грифон.

Перекрестился Тарас на ходу и... сбавил ход, чтоб лучше слышно было. А в нужный миг только вполоборота повернул голову и юркнул в сторону. Прямо как сабельный клинок, просвистела мимо уха плеть нагайки.

Развернул лях коня — да не просто, а со свечою — и вновь обрушился на Тараску. А он точно рассчитал заранее — и прыжком ушел на другую сторону, успев шаркнуть плечом по груди коня.

Разумел он, что и на такую игру надолго сил не хватит, — и вот впервые в жизни открыл свою грудь и вздохом пустил в нее боевую злость. Кислым рассолом, жгучим спиртом купоросным пролилась в него та злоба. Лях с нагайкой — на него, а он — на ляха, вернее, броском крученым — под его коня!

Как умел уже давно, вцепился в подпругу, подвис, подбросил резко ноги вперед, обманув ляха их ударом, отчего тот и хлестнул нагайкой по ногам, а не по голове Тараса.

Ожгло Тараса, он сам скрежетнул зубами — да в тот миг уже успел просунуть острый нож-адыгэсэ под подпругу, резануть ее и дернуть всем телом.

Треснула не совсем, но впору подрезанная подпруга, а Тарас успел ногами еще седло толкнуть вверх и, когда лях уже замах делал с другой стороны, сам ушел из-под удара на другую сторону под брюхом коня — чудом уберег голову и от нагайки, и от ноги конской.

А лях-то замахом-то яростным и перенес свой вес — и весом сvez ослабшее седло, взмахнувшее с другой стороны обрезком подпруги.

Но не упал лях с коня. Сам ловок был: седло грохнулось на землю, а сам он успел ногу через круп перекинуть и встал на обе, не выпустив повода:

— Пся крев!

Измученный облегчением жизни, конь его мотнул головой и в поводу описал пружинистой рысью полукруг пред хозяином, открыв тому взор на Тараса.

Тем временем подтягивалась уж вся неслитанная хоругвь дикого полковника, но только топот коней слышен был, и — ни единого человеческого голоса-возгласа: молча дивились все свидетели чудного поединка.

— Пся крев! — снова гаркнул дикий красноротый полковник. — Беру тебе! Будеш моім! Підійди!

И с тем велением так хлестнул себя же по сапогу нагайкой, что, должно быть, болью гасил собственную же ярость. Знал теперь предводитель чертовой лавы, что делать, чтобы лица не потерять!

А и Тарас увидел, что можно подойти: не рассечет шею нагайкой.

— Бог тебе мені послав або диявол, то не ма значенья! Беру! В найближнім войовників! — хрипло вещал дикий полковник на смеси наречий, пока Тарас шел ему навстречу. — Будеш мені служити?

Тарас не поторопился с ответом, подошел сначала и сглотнул слюну — загасить купоросный спирт в груди.

Подошел без страха и молвил так же:

— Те можна. Тільки якщо ти, пане полковнику, он той монастир не спалиш, — указал Тарас левой, безоружной рукой в сторону Троицы. — І дівчину, яку я віз, що не зачепиш.

Аж челюсть отвисла у дикого полковника! Аж концы длинных усов обвисли!

Он поднял пылающие глаза над Тарасом и оглядел свою хоругвь, обступившую уже с трех сторон. Хоругвь безмолвствовала.

— Бачили вояку! — грянул на все поле. — Він мені ще кондиції ставить!

— Га-а-а! — нечленораздельным гулом отвечала хоругвь, присматриваясь к своему бешеному командиру, радоваться или теперь гневом разразиться.

— А що! Молодець! — гаркнул полковник. — Писар, неси договір!

Вмиг изменилось все в мире, будто солнце сквозь тучу ударило жарким лучом. Теплом и вправду накрыло Тараса. Вся хоругвь теперь гоготала хохотом. Чужие всадники оставались в седлах, а свои, низовые, пососкакивали и стали хлопать Тараса по плечам.

— Ніж-то хоч прибори, — здоровенными желтыми зубами хвалясь, советовал по-дружески козак Богдан и тыкнул пальцем в нож, все еще крепко зажатый десницей Тараса. — А то своїх ненароком поріжеш. Он око твоє ще залито.

Объявился писарь в галочьем дьячковом наряде — и уж меж Тарасом и полковником повис на руках маленький турецкий столик.

— Так не піде. Мені низько, йому високо, — страшно вато посмеиваясь и ворочая глазами, сказал дикий полковник. — Сядемо, важливу справу робимо.

Как по волшебству, появились две кошмы. Столик поставили на землю меж ними.

Полковник сел на алую кошму прямо по-турецки. Сильные козацьи руки вжали Тараса в другую, голубую кошму.

Писарь опустил ся на колени посреди полевой борозды, стараясь не уколоть ся о жнивье, и стал махать пером по уложенной на столик бумаге под диктовку полковника.

Тот диктовал, не сводя жгучих глаз с Тараса. Как только дошло до имени Елены Оковаловой, он даже вперед подался:

— Як ту кралю величають, за кою рота німців так легко сгинела, а ти буйствал? Ким она ест?

Тарас поведал.

Полковник качнулся из стороны в сторону, как обманутый:

— Фуй! Я-то думав, що боярська дочка, а може, і царська. Це естем глушцем, сам підкови рвав. — И крикнул своим: — Наших скільки згнуло?

— Едва не два к трем, пан полковник, — отвечал полковнику поляшски его поручик.

— І на тобі ще один добрий золнерч, — указал перстом на Тараса дикий воевода. — За холопку...

— Вона не холопка. Багата і розумна! — тотчас встал, как раньше посреди дороги, на защиту девицы Тарас.

Полковник чертова войска побледнел, рукоять сабли потискал, но себя сдержал:

— Лицар теж. Тобі б моім холопом до кінця днів своїх бути за шкоду... Але слово вже дав. — И махнул писцу: — Далі валяй.

Закончили кондицію.

Полковник сверкнул взором:

— Кров'ю ми обидва підпишемо. Для фортеці слова. Ти перший. Читати вмієш? — И снова писцу: — Віддай!

Писарь посыпал договор песочком, поднял договор, сдунул с него прах земной в сторонку и с жидкой усмешкой разместил против Тараса.

Кондиции были диктованы по-ляшски и писаны так же. Тарас прочел:

«Сим утверждаю и самолично удостоверяю своею подписью, что ни я и ни один из подчиненных мне воинов не нанесем зримого ущерба монастырю Святой Троицы и девице Елене, Никиты дочери, Оковаловой тож, покуда на моей службе состоит до сего дня вольный, а ныне войсковой козак Тарас, Гнатов сын, Кречеток тож.

При свидетельстве всего славного войска моего полковник и гетман *Aleksander Józef Lisowski*.

Прочтено и принято за личной подписью

Тарас, Гнатов сын, Кречеток».

Да, то был он, кто поставил свое имя, но не подпись, первым, кого на Руси знали под именем Александр Иосиф Лисовский — самый лютый и буйный, не подвластный никакой, кроме бесовской, власти, полковник

той поры, коего русские грады и веси страшились куда больше молнии, труса и потопа. Ляшский шляхтич из литвинских просторов и чашоб, воевавший с кем хотел и когда хотел — и под королем Речи Посполитой, и против короля. Угнаться за ним было некому, упредить — тщетно, пугались его появлению в любой час где угодно... Летучести его завидовал и ястреб-перепелятник, однако ж на его кроваво-алом гербе легион бесов хитрым обманом притаился в образе медлительного черного ежа, у коего вместо игл торчали во все стороны бесовские рожки.

И правда, только бесы и могли носить его быстрее ветра, и жеребца его, едва касавшегося подковами трав и сбивавшего пух с одуванчиков и чертополохов. Видя мах и скач его жеребца, многие воины из иных хоругвей нашествия на Русь охали и готовы были душу продать за такую гонкость и силу хода. И стоило им того сердцем возжелать, как тотчас их кони срывались с места, летели стрелой и прилеплялись к гону жеребца Лисовского — и вот уж, не думая, куда и на какой разгром, мчалась с ним лава, всей массой своею подчиненная любой его прихоти, всякому мановению его руки.

С кем только он не бился! Побеждал и королевских ротмистров, и царских воевод. Но и поражения, бывало, терпел по виду разгромные, однако ж уносился прочь вместе со всей оставшейся стаей, уносился легче татарских чамбулов и, глядь, уже появлялся где-то вновь, в ином уезде, со вновь окрепшей огненной конной тучею. На рассвете его могли видеть где-нибудь под Ростовом, а под вечер — уже едва ли не под Вологдой. И все иные воеводы, приятельские и враждебные, изумлялись, но верили донесениям.

Однако ж Тарас никаких баек о Лисовском не слышал — и видел перед собой только хищного, однако ж не без форсу разбойника и вора.

А еще он видел перед своими глазами необычайный договор.

Хитрая была кондиция. Тотчас то уразумел за месяц поумневший лет на десять вперед Тарас Кречеток. Но делать было нечего, кроме как умело тянуть время! Эту науку Тарас тоже стал постигать не только умом, но и самой шкурой своею.

Он поднял глаза на своего нового командира. Тот кивнул:

— Прочитав? Підписуй першим. Ніж у тебе добрий.

Тарас вынул нож из-за пояса, чиркнул под основанием большого пальца десницы. Писарь с тою же дрянной ухмылкой подал ему перо, пред тем обтерев его очин об рукав.

Сам-то бесхитростен был Тарас, только стал ему какой-то веселый бес хитрость подкидывать. Взял Тарас и подписал не абы как, а по-ученому, хотя и как в голову взбрело:

«Et ipse accepit Cossackus Tarasius filii Gnatus signati haec», то бишь «Козак Тарас, сын Гната, принял и собственноручно подписал сии условия». Трижды макать в кровь перо пришлось.

У писаря глаза на лоб полезли. Дикий полковник «лисовчиков» сразу приметил, что снова лихо чудит Тарас, и, двинувшись вперед, стал приглядываться, а потом сам вырвал кондиции прямо из-под пера, чуть не порвав важную бумагу.

Глаз Лисовский не пучил — напротив, прищурился, будто ему щелчком в очи брызнуло.

— Звідки латинь знаєш? Ким естешь?

Глядел он на Тараса — так и на призрака смелый человек глядеть может.

Тарас поведал, по обыкновению, кратко, к месту.

И вдруг Лисовский точь-в-точь повторил слова убиенного Никиты Окочвала, только на латыни:

— Omnia utilis! Всем полезен!

В тот миг вдруг — хлоп! — и вместо печати упало на кондиции пятно птичьего помета. Лисовский вскинул голову, рубанув, как сабелькой, пером на шапке:

— Ну-ка, пташку жваво сеніміте!

Вскинулись луки.

Тарас махнул рукой знак своему пустельге и рек:

— Стріл не кидає, тому на вас упадуть. Мій боривітер все одно піде.

Слышали все и — замерли с поднятыми луками.

Лисовский снова вцепился глазами в Тараса.

— И маш демона? — подозрительно усмехнулся на ляшском.

— Немає, православний я, — с обычной своею простотой и легкостью отвечал Тарас и перекрестился.

Передернуло усы Лисовского.

— Добже! Нож давай!

Он махнул рукой вниз, и воины поняли тот жест как команду — опустили луки.

Тарас положил нож рукояткой, а перо очиню к Лисовскому.

— Падаль, птахів, щурів (крыс) і кротів ти не різав? — вдруг спросил тот серьезно, осматривая лезвие.

— Неможно, пане полковнику, — ответил Тарас.

Лисовский обтер нож о плечо и, не глядя, легко полоснул им там же, у большого пальца, только не десницы, а шуии. Потом он взял перо, поплевал на очин и обтер его так же. За сим загрёб кровь, как будто ложкой, и одним стремительным росчерком — как скакал, так и писал — бросил на бумагу витиеватый скач своего имени.

Писарь взял кондицию и на миг задумался — посыпать песком полковничью кровушку или самой дать свернуться. Тут Лисовский вырвал у него договор из рук и бросил на столик перед Тарасом:

— Бери і ховай під жупан. Будеш мені показувати, коли забуду!

И тотчас поднялся на ноги.

Писарь вмиг исчез вместе со столиком.

А Лисовский окинул взором войско. А уж к нему и коня его переселанным подвели. Он взлетел на него. И поглядел сверху на Тараса:

— А тобі пішки. Поки з боєм коня не візьмеш!

Он хохотнул, будто большой пес кашлянул, поперхнувшись, — и тотчас загремело хохотом его войско.

— Навіщо? Зараз Сірка до мене повернеться, — отвечал безобидно Тарас, но в тот миг вряд ли кто-то услышал его.

Лисовский поднял руку — весь польный гогот вмиг скрало, и от тишины даже зазвенело в ушах у Тараса.

Вдруг зычно и звонко, без хрипа, заговорил полковник по-ляшски, и понимала его вся разношерстная кавалерия, в коей, помимо ляшских шляхтичей, сынков младших, да козаков низовых, да казаков вольных донских, можно было насчитать немало и литвинов, немало русских воров из числа боевых холопов, поменьше валахов, а там и татар кое-каких, и черкесов, и немцев, бродяг удачи.

— Ныне принимаем мы в наше святое товарищество сами видите кого! Мал, да удал! Хоть и против нас выступил, подобно верному лыцарю, ради чести девицы, пускай и простолюдинки! Крепкий вояка! И должен он знать, что есть наше товарищество! Самое истинное на свете! Тако-

го товарищества ни в одном войске нет, ибо всякое иное товарищество есть призрак, фата-моргана. Во всяком ином товариществе острое наше око разглядит невидимые цепи, незримые поводья, тянущиеся к одной руке, — и не в самом товариществе, а на сторону, в пустую даль. Вон немцы на дороге крепко встали, но сгнули. У них тоже было товарищество, да повод его тянулся к руке дающей. И у гусар, элариев крылатых, есть товарищество, да повод-цепь тянется к королю и ротмистрам его. Куда велят — туда повалят! И у козачков низовых есть товарищество... да пусть не обижаются — оно к Сечи, как к будке собачьей, длинной цепью привязано, товарищество их, и к их скарбницам, что по затонам рассованы под стражу сомов да лягушек. Куда они без Сечи, кто они? Те же холопы перекатные! И только вы, мои козаки, от Сечи ко мне пришедшие, ту цепь порвали! Ибо я хоть и полковник вам, но товарищ, отличный от вас лишь верным чутьем своим и удачей, коей вы верите — и не зря! И нет никого надо мною — ни короля, ни ротмистра коронного, ни гетмана! А значит, и над вами нет никого и ничего, кроме неба! Верно ли говорю?

— Верно! Верно! Любо! — раскатились голоса.

— Потому-то мы быстрее и легче ветра, стремительнее всякого речного потока и сокрушительнее ливня и града, жгучее огня. И тверже наше товарищество любого камня-гранита, ибо камень-скалу ни ветер не повалит, ни река не размочет, ни огонь не сожжет! Верно ли говорю?

— Верно! Верно! Любо! — хлынул припев тысячи глоток.

— А теперь погребем павших и — в путь! — И прибавил полковник уже хрипло: — Проголодался я. Пора волкам свежатинки добыть...

Вместо сабель замелькали лопатки-совочки выбранных могильщиков, коими и от пуль при случае можно лицо прикрывать. Шибко выкидывали казаки землю, роя при дороге неглубокую братскую могилу. Один Тарас подошел к немцам и стал смотреть: так валом и остались лежать немцы, расстрелянные, посеченные, потоптанные конной лавой. Да и «лисовчиков» они положили, пожалуй, поболее, чем было доложено дикому полковнику. Оттаскивали своих «лисовчики», стал оттаскивать тяжелых, в бронях немцев к ближайшим кустам и Тарас, начиная с Ганса, у коего лицо было обезображено двумя пулями, а из шеи торчала татарская стрела.

«Лисовчики» поглядывали на Тараса молча. Тот, уже сбегав за саблей своею и всем, что оставил поодаль, теперь сёк кусты, чтобы покрыть заложных покойников.

За тем делом человечья тишина стала над полем и прервалась возгласами, только когда по дороге принеслась от Троицы оседланная, но без седока Серка. Уже по глазам своей милой кобылки и по ее весело приподнятой верхней губе Тарас увидел, что дело она сделала — драгоценную ношу доставила и передала на надежные руки. Обнял Тарас Серку за шею, погладил по плечу и снова торопко взялся за дело.

«Лисовчики», увидев вернувшуюся к Тарасу бахматку, только поахали-поухали в меру и попереглядывались между собою, а никакого слова — ни восхищенного, ни язвительного — не произнесли: не знали, как на то после своих причуд их предводитель голову повернет. Что и говорить, всех поразили и смелость, и вёрткость Тараса. Получалось, что победил он самого Лисовского, однако ж и полковник благородно оценил его удаль. Да ведь если б захотел, то, конечно, засек бы белявчика, но оставил в живых, признав его отвагу. Так что лучше помолчать даже при виде того, как этот малой, да удалой о нехристях лютеранских теперь заботу проявляет.

Удалью и ловкостью Бог Тараса не обидел, да богатырской силы не дал. Богатырская-то сила, она с ловкостью и вёрткостью в одном теле не

дружит. Едва полторы дюжины немцев вместе с их железом — не раздевать же убитых! — перетаскал Тарас, упарился весь, а «лисовчики» уже завершили погребение, похлопали лопатками по широкому и низкому холмику, кто-то перекрестился, кто-то только шапку помял — и невольно единым взором уставились на Тараса. Тот благоразумно решил не испытывать их терпения, а только рек негромко:

— Може, хоч дорогу полегшимо та в одну купу їх зберемо?

— Кому треба проїхати, то нехай руки і маже, — отвечал за всех, благо без злобы, козак Богдан.

Делать нечего. Молча — не зная, как правильно молиться за лютеран, — перекрестился Тарас в сторону заложного погребения, сказал только: «Прийми їх, Господи!» — и вскочил в седло.

Раненых «лисовчики» не оставили, конечно. Кто мог подняться, постанывая, того посадили в седла, а друзья потом еще кое-кого придерживали на скаку. Кто мог только постанывать или вовсе замертво молчать, еще мертвым не став, — тех положили через седла, подвязали, а их коней прикрепили к своим, как делают с заводными. Тем, перекинутым, оставалось либо выжить и оклематься, либо помереть от ран на скаку и быть погребенными уже не у места битвы, а еще где придется.

Сев на Серку и оглядевшись, только сейчас Тарас уразумел, что у дикого войска вовсе нет никаких телег и повозок. Он в первый миг подивился: низовые-то двигались в поход ордою, с волами, с большими повозками — со всякой снедью, огненными припасами, а в бою повозки, собранные в кольцо, становились неприступным табором. Дикий полковник и его воинство жили только тем, что сметали в рот и кошели на ходу.

Лисовский велел Тарасу держаться рядом:

— Який пеш ти бачив, подивлюся, який в маху!

Тронулась лава, дали еще немного отдохнуть коням да разойтись на шаг полверсты, а после разом перешли в мах. Удивился Тарас: и впрямь все войско будто по воздушям понеслось! Резва была Серка, да не столь же быстра, сколь длинноногие кони, а тут легко полетела вровень с венгерским конем Лисовского, и чуял Тарас, что не запарится она, пену на бока не скинет, сколько на ней ни мчись. Ветер сначала бил встречь, но словно сдался и повернул вперед вместе с лавой. Свист, гул, веселые крики!

Гудела за плечами Тараса великая сила, частью коей он вдруг стал и себя знать вместе со своей Серкой. Ему прямо в спину стала вливаться она. Наполнись весь такой силой — и почувешь, что все царства мира тебе покорятся, падут ниц к ногам твоей кобылки, подставят хребты, когда ты будешь сходить с седла на землю!

Куда неслись — о том Тарас покуда не думал. Он думал только о Елене, ее жизни, как бы уберечь ее... да вроде не с дьяволом же кондиции подписывал, душу свою не продавал за благополучие девицы. Но теперь приходилось служить — может быть, и верному слуге дьявола, скрепившему договор своею кровавой подписью. Служи и молчи, скачи вместе с ним, смотри ему в глаза, не бойся. А что тому прервать кондиции — махнуть сейчас сабелькой не выше пояса да по шее Тараса — и все, закончена служба Тараса, и прямым ходом крушить монастырь. Но чуял Тарас, что договором тем, по крайней мере, выиграл время — сей дикий полковник перед своей же хоругвью соблюдет приличия хоть недолго ради большего к нему же доверия, ради уважения к отваге и удали, кто бы ее ни проявил.

Пролетели поле, лес, потом еще одно поле, потом луга и снова лес, стягиваясь со сторон на узкие дороги. Так и вылетели к какому-то селе-

нию, откуда его жители не успели ноги унести, хотя кто-то из дозорных зажигал просмоленную паклю, сидя на высоких деревьях, а кто-то бежал к домам. Да куда там!

Иные из селян неслись теперь к лесу, а кто-то — к неширокой речке, за которой круто взлетал заросший деревьями склон.

Татары уже поигрывали луками — кидали стрелы, издали сбивая людей на землю. Татары-«лисовчики» ясырей не брали — отвыкли от обузы, пристрастившись к стремительным гонам полковника.

— Ти мені каплуна доглянь! Пожирніше! — крикнул Лисовский Тарасу. — З тебе когут (петух) мені!

Вонзились в обе улицы — аки волки в стадо овец. Вроде еще ничего не успели сломить и поджечь, а уж раздалось повсюду треск, визг. Уже разлетались прясла, валились столбы, и уже кой-где солома задымилась и занялась, будто с копыт коней дикой лавы во все стороны летели искры.

Подвернувшихся селян ни о чем не спрашивали, и даже баб через сёдла не перекидывали — секли саблями сразу. Тарасу рубить не было приказано, только найти петеля к полковничьей трапезе — и то слава Богу!

Сторонясь подальше бойни, Тарас высматривал курятники и уже выехал на задворки, когда вдруг услышал заплошное кудахтанье и петушинный крик. Он соскочил с седла, кинул поводья на шею верной Серке и пошел к большому сараю.

Ворота были чуть приоткрыты, Тарас вошел бочком, решив не скрипеть и не пугать кур еще больше, — и едва успел увернуться от крестьянской рогатины. В сумраке, пронизанном нитями света, блеснули обезумевшие от страха и ярости глаза мужика.

— Так я ж не скажу никому, — тихо и мирно обещал Тарас и снова увернулся от смертельного тычка. — Мне только каплун нужен. Дай, і піду.

Однако мужик страшно дышал и все тыкал в Тараса рогатиной. А тот и сабли не вынимал, только отскакивал, держа ее в ножнах да обеими руками, чтобы при случае отбить рогатину, но пока и ног своих хватало.

Вдруг Тарасу почудился никак не крик петушинный, а хныканье дитяти. Тарас удивился и повернул голову в ту сторону, откуда оно донеслось. В тот же миг мужик на свою беду взревел, — не взревел бы, может, и обошлось бы... Он бросил рогатину и кинулся на Тараса смять его ручищами. Отскочить от тех ручищ было проще, чем от рогатины. Но как раз в легком скачке Тарас попал пяткой в соломе на какую-то круглую деревяшку, она крутанулась под ногой — и Тарас повалился на спину.

Мужик кинулся на него сверху, примерившись ручищами прямо к его голове. Тарас успел вывернуться из-под медвежьей туши, ударил мужика по уху саблей плашмя и вскочил. Мужик собирался в рост куда тяжелее. Солома целыми пучками застряла у него в бороде.

Теперь Тарас оказался спиной к приоткрытым воротам сарая. Сначала перед ним сверкнули белки поднявшегося мужика. Вдруг свет позади пропал, ворота скрипнули. Мужик замер, разинув рот, нагнулся за рогатиной, но разогнуться уже не успел — в бугристую его спину глубоко вошла козачья пика. Он сотрясся всем телом, застонал, расползся по соломе и стал беспомощно грести руками свою спину, пытаясь достать до жала.

Козак Богдан слышал рев мужика и въехал на коне прямо в сарай. Качнувшись с седла, он выдернул пикку и глянул искоса на Тараса, заметил в его руках не вынутую из ножен саблю:

— Полковник доглянути за тобою велів. Що за метушня?

— Каплуна доглядаю, — порастерянно отвечал Тарас.

— Цей застарий буде, — с усмешкой кивнул Богдан в сторону умиравшего мужика. — Жорсткий на зуб. Знайди який молодше.

Тут снова послышался писк человеческий. Тарас невольно затаил дыхание.

Богдан двинул коня на писк:

— А тут що за курча?

Он неясно прицелился, ткнул пикой в большую купу сена и вытянул на острие что-то крупное, даже не закричавшее, а только судорожно трясащее ручками и ножками.

Тараса всего, с макушки до пят, пронзили раскаленные иглы.

— Навіщо?!

Но запорожец его не слушал, а, развернувшись, уже выезжал из сарая, держа на пике пронзенного насквозь младенца.

— Гліб, лови! — донесся уже снаружи его веселый голос.

И тут из той же купы сена вылетела обезумевшая мать и со страшным криком, рвавшим слух и душу, кинулась за губителем. Вихрем она пронеслась мимо оцепеневшего Тараса. Тот еще слышал ее крики за стенами, но они вдруг оборвались.

Хорошо, что он не стал свидетелем последней козачьей забавы. Он только и запомнил в оцепенении: въехал-то в сарай козак, а выехал черной головней из сарая бес, выжегший Богдана изнутри до самого жупана.

Наружи Богдан кинул с пики младенца, чтобы того поймал на пику дружок его Глеб. Тот ловок был. Потерявшая рассудок мать кинулась уже ко Глебу, а тот, держа вверх отяжелевшую пику, сабельку другой рукой выхватил и с косой оттяжкой стегнул ею женщину по лицу и высокой полной груди.

Когда Тарас выходил на деревянных ногах из сарая, он видел уже только мертвецов, а маленькое тельце нюхали, поджав хвосты и прижав уши, две худые собаки. Они обреченно глянули на Тараса.

Тарас не помнил себя, пока шел с петухом, придушенным и прижатым к груди. Серка плелась сзади.

Да чудилось ему даже, что вовсе не он куда-то бредет. Он, никогда и братнего чего в руки без спросу не бравший, теперь словно разделился сам в себе — и вместо него шел, держа в охапку чужого петуха, какой-то каменный самозванец, лже-Тарас, а сам он, настоящий Тарас, словно обратился в тень того самозванца, кою тот теперь волочил за собой по пыли ногами...

Бежать ли теперь? А вдруг дикий полковник разом обозлится обману, договора нарушению, и полетит на Троицу с единой целью — найти и обесчестить девицу, коя уже стояла ему немалых потерь?..

«Лисовчики» уже раскинули пир у неширокой речки. Уже нарублена была всякая животины, и еще подводили на убой новую. Впрочем, подседельное вяленое мясо тоже было извлечено, по большей части татарами. Пылали костры, чистились новые вертела.

Лисовский глянул на Тараса. Потряс усом:

— А блідий чого? Що, смерть побачив там, де не шукав?

— Бачив... — невольным эхом отозвался Тарас и отвернул взгляд на полыхавшее разными дворами селение. — А що за селище?

— Кажуть, Радонеж якийсь! — ответил уже подоспевший соглядатай Богдан.

— Да ты не каплуна принес. Или не отличаешь? — по-ляшски заметил Лисовский с усмешкой. — Девственник, что ли?